

Содержание

НЕФРИТОВАЯ СЕРЕЖКА	5
ЦВЕТOK-СВИСТУЛЬКА	119
ГОСПОЖА ЖАВОРОНОК	171
МОЛИТВА НА СТЕКЛЕ	217

Непритовая
сережка

В глубине женской половины дворца живет та, которую называют «госпожа Ворона», «уфэй». Хоть она и считается супругой правителя, но ночных обязанностей не исполняет — у нее особая роль. Она неслышно обитает в черных, как вороново крыло, покоях, почти никогда не выходя наружу. Среди тех, кто ее видел, одни утверждают, что она — старуха, другие — что это молодая женщина.

Про нее говорят разное: и что она бессмертная кудесница, и что она — страшная демоница. Говорят также, что она пользуется необычным искусством. Говорят, что можно попросить ее о чем угодно: наложить заклятье на ненавистного супруга, вызывать дух давно умершего человека, вознести молитвы или найти утерянную вещь.

Эта наложница живет на женской половине дворца, однако император никогда не навещает ее... Раньше не навещал.

Нынче ночью к покоям, где она обитала, направлялись две тени.

— Емин-гун — одно только название... — Шагая по галерее, освещенной свисающими с потолка

фонарями, Ся Гаоцзюнь разглядывал видневшееся впереди строение.

Черные, как вороново крыло, стены Емин-гуна, дворца Сияющего в ночи, казались чернее тьмы, которая окутывала все вокруг. Будь на небе луна — она осветила бы глазурованную черепицу, и та заблестела бы влажным блеском, но, к сожалению, сегодня ночью луна пряталась за тучами.

— Наверное, это из-за того, что фонари не зажгли, — негромко проговорил Вэй Цин, державший в руках светильник. У евнуха был высокий звонкий голос, красивый, как и его обличье.

Под крышей Емин-гуна висели фонари, но ни один из них не горел.

— Евнухи управления дворцовых дел опасаются приближаться к этому месту. Они и меня предостерегали.

— Почему же? — задал короткий вопрос Гаоцзюнь.

Он тоже говорил тихо, но не из-за боязни перед окружающими. Гаоцзюнь всегда так делал. Его голос звучал спокойно, но не холодно и был подобен зимнему солнечному лучу, пробившемуся сквозь листву деревьев.

— Говорят, что там появляется волшебная птица.

— Какая еще птица?

— Большая птица, сверкающая золотом. И если подойти слишком близко к дворцу, она нападает.

— Надо же... — равнодушно ответил Гаоцзюнь.

Его взгляд был устремлен на тихое здание, казавшееся необитаемым. Оттуда не вырывал-

ся ни один луч света. Вэй Цин украдкой взглянул на мужественный профиль Гаоцзюня.

— Повелитель, вы действительно хотите увидеть госпожу Ворону?

— За этим и пришел, — сухо ответил тот.

Когда евнух говорит «повелитель», то в этой стране, стране Сяо, имеется в виду только один человек — император.

— Мое посещение наложниц не должно вызывать вопросов.

— Но она не такая, как другие. Говорят даже, что, встретившись с ней, вы навлечете на себя всяческие бедствия...

Гаоцзюнь тихо рассмеялся.

— Цин, неужели ты тоже веришь слухам?

Вэй Цин осекся.

— Я слышал разные рассказы, от очень убедительных до совершенной ерунды. Но госпожа Ворона...

Гаоцзюнь остановился. За каменной лестницей находилась огромная черная дверь. Словно отказывая посетителям в их праве пройти, она была плотно затворена.

— Подробности потом. Встретившись, я узнаю, кудесница она или демоница.

Он поставил ногу на ступеньку. Вэй Цин прошел вперед и хотел толкнуть дверь, но та беззвучно приоткрылась сама. Евнух от неожиданности отступил, и из темноты на него с пронзительным клекотом что-то вылетело.

Вэй Цин уронил светильник, и все погрузилось во тьму. Слышен был только странный крик и хло-

панье крыльев, но различить облик птицы в темноте было невозможно.

— Повелитель, уходите! — Одновременно со словами Вэй Цина раздалось еще более яростное хлопанье и птичий крик. Который, впрочем, тут же прекратился, только продолжали биться крылья. Когда глаза Гаоцзюня привыкли к темноте, он увидел, что Вэй Цин держит за горло большую птицу.

— Это курица?!

В руках евнуха билась круглобокая толстая наседка. Однако ее перья слабо поблескивали, будто покрытые золотой пылью.

— Она чуть не нанесла вред вашему драгоценному телу. Задушить? — хладнокровно спросил Вэй Цин и приготовился свернуть птице шею, но Гаоцзюнь остановил его:

— Нет, погоди!

И вдруг...

— Отпусти Синсин, простолюдин!

Дверь распахнулась, раздался ледяной голос. Он звучал приятно и принадлежал миловидной девушке. Голос отвлек Вэй Цина, птица вырвалась у него из рук и улетела вглубь помещения. В задней части просторной комнаты висел многослойный балдахин из тонкого шелка. В просвете между занавесями было видно белую руку.

Перед балдахином стоял светильник, сделанный в виде цветка лотоса. Он давал слабый свет. Этот свет упал на появившегося из-за занавесей человека. Гаоцзюнь и Вэй Цин на какое-то время лишились дара речи.

Блеклые лучи освещали изящную фигуру белолицей красавицы. Это была совсем молоденькая девушка лет пятнадцати-шестнадцати с заплетенными в два пучка волосами, которые были украшены яшмовыми шпильками и золотыми подвесками. В глаза посетителям бросились большие, размером почти с личико девушки, пионы, украшавшие прическу. Удивительным оказалось то, что одета она была с головы до ног в черное. Тонкое нижнее платье, юбка, начинающаяся от груди, — все было черного цвета. Платье из черного с мокрым блеском атласа было расшито мелким растительным узором, на юбке вышиты птицы с ветками в клювах. На плечах — тонкая шелковая накидка, блестящая, словно ночная роса, будто в нее были вшиты обсидиановые нити.

В соответствии со своим именем — госпожа Ворона — она была подобна черной птице. В руках девушка держала нашедшую у нее убежище курицу. Подняв длинные ресницы, хозяйка дворца взглянула на Вэй Цина.

— Это драгоценная, чудесная птица. Коль убьешь — ничем мне ее не заменишь. Поостерегись!

Гаоцзюню показалось, что девушка говорила на старинный манер. И держала себя очень высокомерно.

— Это ведь ты — Лю Уфэй, госпожа Ворона Лю? Девушка взглянула на Гаоцзюня своими черными, словно агаты, глазами.

— По какой надобности император пожаловал ко мне всего лишь с одним спутником? Я не исполняю ночных обязанностей, ты должен знать это.

— Тебя должны были предупредить.

— Мне то неведомо. Их прогнала Синсин.

Девушка спустила с рук золотую курицу Синсин. Пол был устлан ковром, вытканым цветами.

Раздраженный словами и поведением девицы Вэй Цин со строгим видом уже собрался что-то сказать, но Гаоцзюнь поднял руку, останавливая его. Он прошел в комнату и встал перед столом, накрытым узорчатой парчой. Воздух в комнате был наполнен ароматом, исходившим от серебряной курильницы.

— Госпожа Ворона, у меня к тебе просьба. Ты должна меня выслушать. — С этими словами Гаоцзюнь сел на стул.

Девушка нахмурилась и осталась на месте. Гаоцзюнь, не обращая внимания на ее нежелание подходить ближе, вынул какой-то предмет из-за пазухи и положил на стол.

— Я слышал, что твоя обязанность — выполнять любые просьбы: налагать проклятия, возносить молитвы, искать утерянное. Верно ли это?

Девушка еще сильнее нахмурилась, разглядывая то, что он принес. Это была нефритовая сережка, одна из пары. С золотой основы тонкой работы свисал большой нефрит в форме капли.

— Не любые. Я не выполняю просьбы без награды.

— И какую награду ты требуешь?

— Тот, кто вредит другим, — вредит себе. За проклятье я беру жизнь. За молитву — состояние. За утерянную вещь — совет.

— А если я скажу, что хочу найти владелицу этой вещи? — Гаоцзюнь сжал сережку в кулаке. Нефритовое украшение темно-зеленого — словно в омут смотришь — цвета в слабом освещении неясно мерцало.

— Откажу.

— Почему?

— Владелицу можно легко узнать, стоит лишь спросить. Ты избегаешь этого. Стало быть, не можешь или же поступаешь так из прихоти. И то и другое нехорошо. Не желаю неприятностей.

«А она умна...» Гаоцзюнь рассматривал девушку.

— Говорят, ты то ли бессмертная кудесница, то ли демоница. — Гаоцзюнь положил сережку на стол, встал и подошел к девушке. — Ты ведь человек, верно?

Тихо произнеся эти слова, он взял ее за руку. Рука была теплая, человеческая. Девушка застыла.

— Я слышал, что тебя нашли совсем маленькой и привезли сюда. Кстати, я не спросил твое имя. Как тебя зовут?

Девушка отвела взгляд и прошептала:

— Шоусюэ.

— Значит, Лю Шоусюэ. Хорошее имя, — спокойно сказал он.

Шоусюэ подняла на Гаоцзюня злобный взгляд. На щеках ее появился румянец. Ему пришло в голову, что она похожа на вздыбившую шерсть кошку, и он опустил глаза на ее руку, которую продолжал держать в своей. Белая тонкая кисть, но на коже он заметил маленькое пятнышко. Темно-красное пятно в форме цветка. Как будто ожог...

Шоусюэ сбросила руку Гаоцзюня.

— Я не собираюсь исполнять твою просьбу. Уходи немедленно, — резко бросила она и тут же вынула цветок пиона из прически.

Девушка положила цветок на ладонь, и он, словно дым, потерял форму и превратился в светло-розовое пламя. Даже Гаоцзюнь, которого обычно не было件 поразить, удивился и отступил на шаг.

Шоусюэ дунула на пламя. Поднялся сильный ветер, и Гаоцзюнь ощутил непонятное головокружение. Он крепко закрыл глаза и отвернулся от порыва ветра. Переступив внезапно ослабевшими ногами, чтобы обрести опору, Гаоцзюнь поднял глаза и увидел перед собой черную дверь.

«Что это? — Он растерянно смотрел на дверь. — Что это значит?»

— Ты забыл, — прозвучал голос Шоусюэ, и дверь чуть приоткрылась. Оттуда швырнули сережку, и Гаоцзюнь торопливо подставил руку, чтобы ее поймать. Дверь с громким стуком захлопнулась.

— Кажется, нас выставили.

Рядом стоял Вэй Цин. У него был такой вид, будто его только что обвела вокруг пальца лисица.

— Это и есть необычное искусство госпожи Вороны?

Гаоцзюнь спрятал сережку за пазуху и перевел дух.

— Похоже на то. Кажется, я чем-то разгневал ее.

Несмотря на имя Шоусюэ, «долголетие под снегом», от девушки, казалось, струился жар, как от раскаленной земли летом.

Гаоцзюнь спустился по лестнице и пошел обратно по той же дороге, по которой пришел сюда. Вэй Цин подобрал свой светильник, так и лежавший у порога, и двинулся следом.

— Так кто она такая, эта госпожа Ворона?

— Что-то вроде жрицы.

— Жрицы?

— Вернее будет сказать, она потомок жрицы, которая прислуживала богине Улянь, Матушке-вороне. Здесь когда-то стоял храм. И на этом месте правитель предыдущей династии соорудил дворец.

Гаоцзюнь говорил так, будто читал древнюю историческую книгу «Двойное уложение».

— Правитель, увлекшись тайным искусством жрицы, заключил ее в дальние покои, чтобы оставить это искусство себе, и наградил особым статусом наложницы. Это и есть уфэй, госпожа Ворона. Так написано в книгах.

Дед Гаоцзюня, получивший титул императора от правителя предыдущей династии и основав нынешнюю, оставил себе и столицу, и дворец. И госпожу Ворону.

— Уфэй не меняются при смене правителя. Предыдущая служила прежней династии. А нынешняя, госпожа Ворона Лю, сменила ее два года назад.

Это случилось перед тем, как Гаоцзюнь взойшел на престол.

— Преемницу, как говорят, выбирает та самая золотая курица. Цин, хорошо, что ты не придушил ее. Мне не нравится, что ты так скор на расправу.

Вэй Цин сделал виноватое лицо.

— А все же, повелитель, вам так необходимо испрашивать милостей у этой девицы?

Похоже, он еле стерпел поведение Шоусюэ, смевшей противоречить — нет, говорить свысока с императором.

— Никто не может приказывать госпоже Вороне. Она особенная. Я не могу просто так нарушить древние устои.

Гаоцзюнь не любил идти против правил. С законами следует считаться, моральный долг следует исполнять.

— Повелитель, вы слишком ревностно соблюдаете предписания, — проворчал Вэй Цин, и Гаоцзюнь слабо улыбнулся.

— Цин, а ты знаешь, что говорят про ту дворцовую стену? Я слышал, что она пропитана кровью тех, кто пытался навредить госпоже Вороне, поэтому и выкрашена черным.

Вэй Цин скривился, будто и вправду почувствовал запах крови. Гаоцзюнь погладил карман за пазухой. Там лежала нефритовая сережка.

— Так, ну и что же нам теперь делать?

Даже если придется подольститься к Шоусюэ, необходимо заставить ее выполнить просьбу. Похоже, что никому, кроме нее, с этим не справиться...

Шоусюэ положила ароматную щепку дерева хуаншусян на пепел, и через некоторое время из курильницы начал подниматься тонкий дымок. Воздух вокруг наполнился благоуханием.

Девушка отошла от курильницы и села на стул. Аромат был приятным, но мрачного настроения не разгонял. Причиной уныния был молодой император, навестивший ее вчера ночью. «А ведь он наверняка пожалует снова...» Вот не было печали! Скромные просьбы обитательниц женской половины дворца ее не смущали, но обращение правителя сулило много хлопот.

Шоусюэ почесала руку через одежду. Это была та самая рука, за которую ее вчера схватил Гаоцзюнь. Вблизи император оказался даже моложе, чем она думала, но выглядел, несмотря на возраст, умудренным, и его взгляд был мягок, словно зимнее солнце. Она ожидала, что Гаоцзюнь более грозен.

Этот правитель взошел на трон через год после того, как Шоусюэ переняла титул предыдущей госпожи Вороны. Когда определяли наследника старого императора, возникли, похоже, какие-то неурядицы, но Шоусюэ привезли сюда в шесть лет, обучалась и достигала просветления она взаперти. Подробности были ей неизвестны, да они и не интересовали.

Дремавшая на ковре Синсин вдруг резко подняла голову. Она захлопала крыльями, забилась и с криком сделала круг по комнате.

— Синсин, хватит! — прикрикнула Шоусюэ, но Синсин как будто не слышала ее, била крыльями и вопила.

Эта золотая курица совершенно ее не слушает. А при прежней хозяйке была смирной. Поговари-

вали, что золотые куры могут указать, где находится золото, или найти мертвых. Это были редкие чудесные птицы с золотистыми перьями. Вообще-то они были тощенькими, но из-за роскошной кормежки во дворце Синсин растолстела и стала почти круглой. Когда Шоусюэ впервые увидела ее, то подумала: «Вот бы зажарить — наверняка вкусная!» Синсин, видимо, учуяв эти мысли, до сих пор опасалась Шоусюэ.

Девушка вздохнула и вытянула палец в сторону двери. Сделала такой жест, будто дергала за нить, и дверь тут же беззвучно распахнулась. У входа, как и вчера, стоял Гаоцзюнь со своим евнухом.

Лицо правителя, совсем как во время предыдущего визита, было спокойным и ничего не выражало. Как будто невозмутимая зимняя гора, подумалось девушке. Гора, которая тихо, без движения спит всю зиму в ожидании прихода весны.

— Сколько раз ты бы ни пожаловал, я не буду выслушивать твои просьбы, — холодно произнесла она, но Гаоцзюнь, словно и не услышав ее слов, шагнул в комнату. — Ты слышишь меня?

Шоусюэ нахмурилась, но Гаоцзюнь подал знак стоявшему за ним евнуху. Тот с готовностью шагнул вперед. В руках у него был поднос, на котором стояла деревянная корзина.

— Это еще что?

Евнух молча поставил корзину на стол и снял крышку. Из корзины повалил горячий пар. Шоусюэ ахнула. Под крышкой оказались толстенные белые пирожки баоцзы.

— Их только что сделали в пекарне по моему приказу. Начинка — сладкая паста из плодов лотоса. Я слышал, что это твое любимое лакомство.

Так оно и было. Шоусюэ глаз не могла отвести от пирожков. Однако Гаоцзюнь, сев напротив, закрыл корзину крышкой и подтянул к себе.

— Ты выслушаешь меня?

Шоусюэ переводила взгляд с правителя на корзину. Некоторое время она колебалась. Она понимала, что Гаоцзюнь принесет что-то в качестве приманки, но была уверена, что это будут деньги или какие-нибудь украшения для волос. Эти вещи ее не интересовали, а вот еда — влекла. До своего прибытия сюда в шестилетнем возрасте Шоусюэ ни разу не ела досыта.

Сглотнув слюну, она исподлобья посмотрела на Гаоцзюня.

— Хорошо. Выслушать — выслушаю.

Губы Гаоцзюня чуть изогнулись в еле заметной улыбке. Шоусюэ впервые увидела на его лице хоть какие-то чувства.

— Я подобрал это на днях на женской половине дворца. — Он вытащил нефритовую сережку, которую уже показывал вчера. — Знаешь ли ты, кто ее обронил?

— Не знаю, — беззаботно ответила Шоусюэ, вгрызаясь в баоцзы. Оболочка пирожка была нежной, а лотосовая паста — приятно сладкой.

— Не знаешь? Разве госпоже Вороне не известно все на свете?

— Что за глупости... Я ведь не божество. Я могу сделать наоборот — найти потерянное. Если следо-